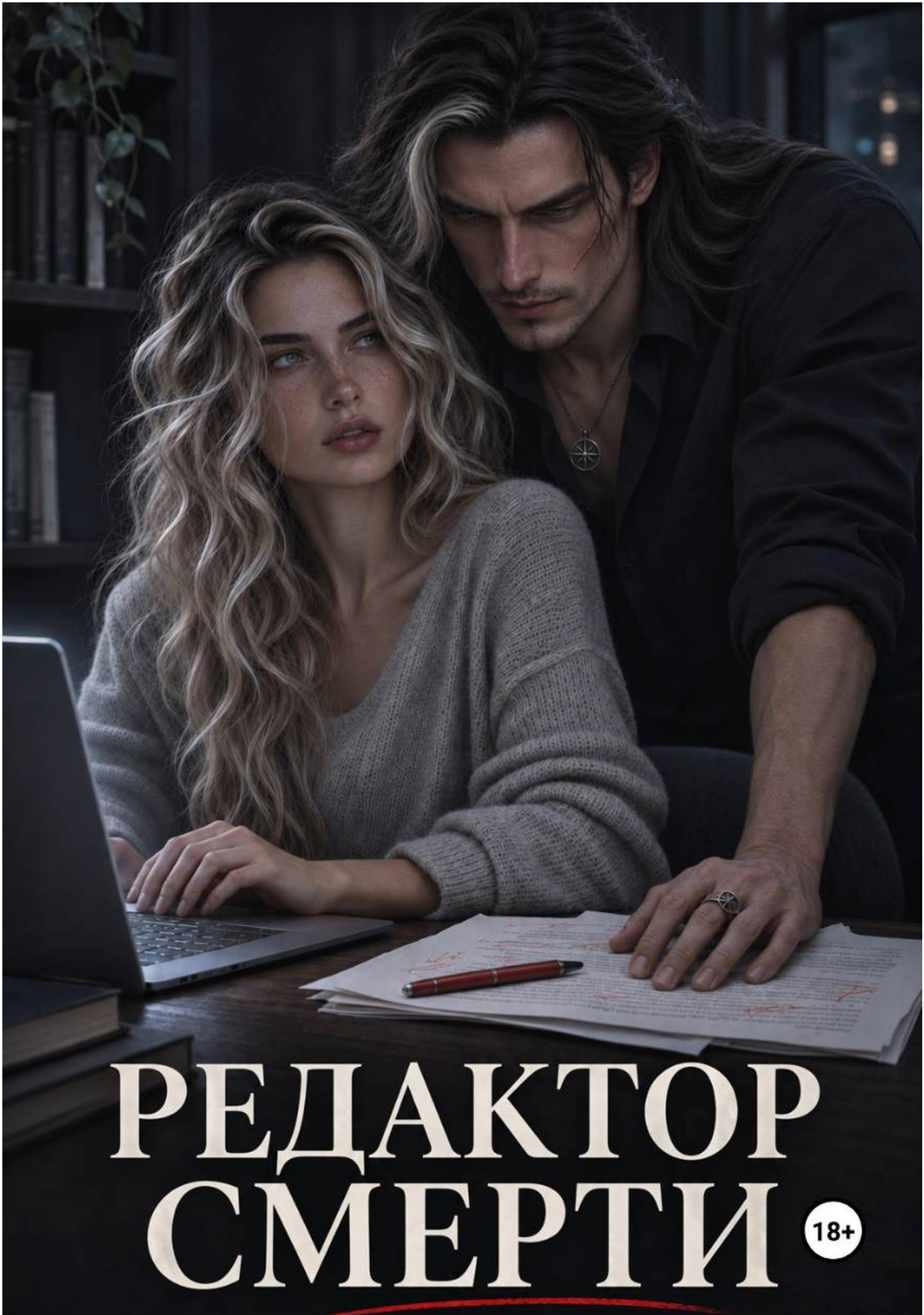

РЕДАКТОР
СМЕРТИ
18+

Карина Луна

Редактор смерти

«Автор»
2026

Луна К.

Редактор смерти / К. Луна — «Автор», 2026

Лив Дрейтон пишет о жестокости, страхе и людях, способных на чудовищные поступки. Издательство ждёт новую рукопись, но творческий кризис затянулся. Она ещё не знает, что скоро окажется в истории, которую ни за что не захотела бы прожить.Кайд прочитал её книги. Все до единой. И остался крайне недоволен.Он знает, как ведут себя люди перед смертью: не раз наблюдал за их последними минутами. Узнав о кризисе писательницы, он решает показать ей то, о чём она привыкла лишь фантазировать.Сначала Кайд проникает в её цифровую жизнь, затем добирается до рукописи. Его замечания подкреплены пугающе достоверными подробностями. Но интерес к её книгам перерастает в одержимость самой Лив.Когда события из рукописи начинают повторяться в реальности, она понимает: неизвестный редактор способен зайти гораздо дальше литературных правок.И каждая следующая глава может стоить кому-то жизни.

© Луна К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР 5
ПРОЛОГ 6
ГЛАВА 1. 11
Глава 2. Одиннадцать дней 18
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Карина Луна
Редактор смерти

ДИСКЛЕЙМЕР

Дорогие читатели!

Прежде чем вы откроете эту историю, я хочу, чтобы вы понимали, что вас ждёт.

Перед вами жёсткий dark romance с элементами криминального и психологического триллера. Главный герой — серийный убийца. Он получает удовольствие от чужого страха, осознаёт собственную жестокость и способен причинить вред женщине, к которой испытывает чувства.

В этой книге близость не избавляет от страха смерти. Героиня может желать мужчину, искать его прикосновений и одновременно бояться, что он её убьёт. Его нежность не даёт ей никаких гарантий.

В книге присутствуют:

— убийства, кровь, жестокое физическое насилие и подробные описания смерти;

— сцены от лица убийцы, его удовольствие от чужой боли, беспомощности и власти над жизнью другого человека;

— предсмертный ужас, мольбы о пощаде, описания записи убийства и фотографий погибшей;

— похищение, насильственное удержание, связывание, изоляция и угрозы убийством;

— преследование, взлом личной переписки, вторжение в частную жизнь, манипуляции и психологическое насилие;

— откровенные интимные сцены между совершеннолетними персонажами, грубая сексуальность, элементы БДСМ и фетиш на пульс;

— сексуальное принуждение и насилие, игнорирование сопротивления и личных границ;

— попытка изнасилования (не со стороны главного мужского героя);

— эмоциональная зависимость и влечение к человеку, от которого исходит непосредственная угроза;

— тяжёлая болезнь, смерть близкого человека и переживание утраты;

— паника, беспомощность, кошмары и последствия травмирующих событий.

Пожалуйста, учитывайте: насилие здесь происходит и внутри любовных отношений. Влечение, привязанность и телесная реакция не означают согласия. Забота в одном эпизоде не отменяет жестокости в другом.

Вы можете испытывать к героям противоречивые чувства. Однако их привлекательность, прошлое и способность любить не оправдывают совершённого. Изображённые отношения являются частью художественного вымысла и не служат примером здоровых отношений в реальной жизни.

Если перечисленные темы для вас неприемлемы или болезненны, пожалуйста, учитывайте это до начала чтения. Беречь себя важнее, чем дочитать любую книгу.

Возрастное ограничение: 18+

И напоследок…

Он умеет заставить сердце биться чаще. И умеет его останавливать.

С теплом, Карина Луна

ПРОЛОГ

Страх не
исчезает только потому, что автору понадобилась красивая развязка.

Кайд дочитал абзац, перевернул страницу и вернулся к предыдущей. Ещё минуту назад женщина умоляла убийцу отпустить её. Теперь она сидела перед ним с гордо поднятой головой и объясняла, почему больше не боится смерти. Между этими двумя состояниями умещалось меньше половины страницы.

Он перечитал её внимательнее. Героиня вспомнила погибшего отца, решила, что страх лишает её достоинства, а затем выслушала рассказ о несчастном детстве человека, который держал её взаперти. После этого ей стало легче. Настолько, что в следующем абзаце она уже могла спокойно рассуждать о своих чувствах к нему.

Кайд провёл большим пальцем по краю листа. Он встречал людей, которые замолкали перед смертью. Видел оцепенение, упрямство, попытки сохранить остатки самообладания; знал, что плачут и просят далеко не все. Но женщина из романа Лив Дрейтон обрела какое-то удивительно удобное спокойствие. Убийца ещё не решил, оставит ли её в живых, а она словно уже прочитала последнюю страницу и осталась довольна.

— Бред какой-то, — произнёс Кайд.

— Что? — отозвалась Клэр.

Он поднял глаза. Женщина сидела в двух метрах от него, в тяжёлом деревянном кресле, пристёгнутая за запястья к широким подлокотникам. Волосы выбились из пучка, у правой скулы проступил синяк. В начале вечера Клэр попыталась добраться до двери; после того как он вернул её на место, она берегла правый бок и старалась дышать неглубоко. Сейчас ей, видимо, показалось, что обращаются к ней.

— Это я о книге.

Клэр посмотрела на обложку, затем на закрытую дверь. За ней была лестница. Она успела увидеть её, когда он привёл женщину в подвал, и с тех пор возвращалась к двери взглядом так часто, будто боялась потерять единственное известное ей направление.

— Можно воды? — спросила она. — Пожалуйста.

Кайд оставил раскрытую книгу на сиденье, взял со столика стакан с трубочкой и подошёл к ней. Клэр потянулась к воде раньше, чем он успел поднести её достаточно близко. Торопливо сделала несколько глотков, закашлялась и согнулась, насколько позволяли ремни.

— Потише. Тебя никто не торопит.

Он придержал стакан, подождал, пока она сможет вдохнуть, и снова поднёс трубочку к её губам. На этот раз Клэр пила осторожно, поглядывая на него снизу вверх.

— Спасибо, — сказала она, когда он убрал воду.

Эта вежливость доставила ему удовольствие. Несколько часов назад Клэр обещала, что его найдут и посадят за решётку. Теперь благодарила за воду, которую не могла взять без его разрешения. Кайд ничего не сделал, чтобы ей стало безопаснее, однако она перестала плакать и смотрела на него с осторожной надеждой. Всего несколько глотков — и он снова оказывался человеком, от которого можно было ждать чего-то хорошего.

Кайд поставил стакан на столик, поднял книгу с сиденья и опустился в своё кресло. В подвале ровно гудела вентиляция. Наверху шёл дождь; здесь его почти не было слышно, зато каждое движение Клэр сопровождалось шорохом ткани и тихим скрипом дерева. Она осторожно переставляла ноги, пытаясь найти положение, в котором бок болел бы меньше.

В книге раненая героиня недавно вскочила со стула, чтобы продолжить спор. Лив, пожалуй, стоило когда-нибудь понаблюдать, сколько сил может отнять у человека обыкновенная попытка устроиться удобнее.

Вообще-то писательница ему нравилась. Кайд прочёл все четыре её романа и помнил гораздо больше, чем собирался запоминать. В одной истории девушка окончательно осознавала смерть отца, когда замечала, что в прихожей больше не стоят его старые ботинки. В другой супруги ссорились из-за счёта за электричество, потому что о настоящей причине ссоры ещё не умели говорить. Лив хорошо чувствовала такие вещи. Её персонажи бывали завистливыми, смешными, несправедливыми к близким; порой Кайд узнавал в них людей, с которыми ему доводилось иметь дело. Над некоторыми диалогами он смеялся вслух.

Поэтому особенно раздражало, что в решающие минуты автор начинала беречь читателя от собственных героев. Убийца непременно предъявлял несчастье, объяснявшее его жестокость, а женщина, едва выслушав его, словно получала право больше не опасаться за себя. Кайд вполне допускал, что она могла ему сочувствовать. Но почему рассказ о прошлом должен был изменить её положение сейчас? Дверь оставалась запертой. Решение по-прежнему принимал человек с ножом.

Он вернулся к последним строкам абзаца, взял со столика карандаш и написал на полях: «Страх не исчезает только потому, что автору понадобилась красивая развязка».

Пометка едва уместилась. Кайд отложил карандаш, вложил между страницами полоску плотной бумаги и закрыл роман. На нижнем углу обложки был старый залом; он разгладил его большим пальцем, хотя прекрасно знал, что это бесполезно.

— Вы давно её читаете? — спросила Клэр.

Он посмотрел на женщину. Она кивнула на книгу и попыталась выпрямиться, придав лицу выражение внимательного собеседника. Получилось плохо: губы дрожали, а взгляд всё время соскальзывал на его руки.

— Перечитываю уже несколько дней. Другие её книги тоже читал.

— И вам нравится?

— Местами. Здесь, например, женщина только что едва не потеряла сознание от боли. А теперь рассуждает о чувствах к человеку, который собирается её убить.

Клэр посмотрела на него уже без старательного интереса.

— Вы серьёзно хотите это со мной обсуждать?

— Ты сама спросила.

— Я пытаюсь с вами разговаривать. Хоть как-нибудь. — Она подалась вперёд, натянула ремни и стиснула зубы. — Вы читаете, даёте мне воду, отвечаете так, будто ничего не происходит. Я не понимаю, чего вы хотите. Если я что-то сделала, скажите. Может быть, вы вообще перепутали меня с кем-то.

— Нет, Клэр. Не перепутал.

Он произнёс её имя спокойно и видел, как она перестала искать продолжение фразы. До этого он к ней так не обращался.

Клэр опустила взгляд на свои руки. У правого запястья кожа покраснела; она провела большим пальцем по подлокотнику, затем снова посмотрела ему в лицо.

— Мне нужно домой. Завтра на работу, вечером приедет сестра. Если меня не будет, она обязательно начнёт искать.

— На ту самую работу, которую ты ненавидишь?

Несколько секунд Клэр молчала.

— Вы читали мои записи?

— Начальник у тебя идиот, коллеги ленивые, денег не хватает. Квартиру ты тоже терпеть не можешь.

Она оглянулась на дверь, затем вернулась взглядом к нему. Теперь в её лице появилось другое выражение: она, кажется, пыталась вспомнить всё, что когда-либо писала о себе.

Кайд успел прочесть достаточно. Публичные жалобы, личная переписка, бессмысленные разговоры, растянувшиеся на десятки сообщений. Работа, счета, сломанная машина, обиды на родственников. Несколько раз Клэр писала, что жизнь ей опостылела и хочется исчезнуть. Подруги сочувствовали, предлагали помощь; она отшучивалась, а на следующий день выкладывала фотографию завтрака.

Он прекрасно понимал, что она не просила о смерти. Люди жаловались, когда уставали, и преувеличивали, когда хотели, чтобы их наконец услышали. В словах «я больше не хочу так жить» обычно имелось в виду вполне определённое «так». Кайд различал это не хуже самой Клэр. Просто ему нравилось наблюдать, как быстро человек отказывается от любых условий, стоит поставить под сомнение саму возможность жить.

— Вы следили за мной, — произнесла она. — Поэтому я здесь? Потому что пожаловалась на свою чёртову работу?

— Мне было любопытно, насколько ты серьёзна.

— У меня был отвратительный месяц! Машина сломалась, хозяйка подняла аренду, я поссорилась с начальником. Люди говорят такое, когда им плохо. Это не значит, что я хотела… — Она не договорила и с трудом набрала воздуха. — Вы ведь понимаете, о чём я.

— Понимаю.

Согласие, похоже, напугало её сильнее спора. Клэр смотрела на него выжидающе, но Кайд молчал. Ему не требовалось доказывать, что она ошиблась. С тем, что она хотела жить, он и не спорил.

— Тогда я заплачу, — сказала Клэр. — У меня есть сбережения. Немного, но если этого мало, я продам машину. Сестра поможет. Вы только скажите, сколько нужно.

— А жить на что будешь?

— Разберусь. К ней перееду, комнату сниму. Господи, да какая разница? Я ведь не прошу ничего невозможного. Просто отпустите меня.

Кайд посмотрел на книгу у себя на коленях. Ещё вчера эта женщина писала, что больше не выдержит ни дня. Сегодня готова была вернуться к тому же начальнику, отказаться от машины, помириться с сестрой, лишь бы получить завтра, которое до сих пор казалось ей само собой разумеющимся.

— В романе на этом месте героиня решает, что больше не станет унижаться перед убийцей, — сказал он. — Ей вдруг становится всё равно.

— Мне не всё равно. — Клэр ответила сразу, с неожиданной твёрдостью. — Я хочу жить. Пожалуйста, я очень хочу жить. Если придётся всю жизнь ходить на эту работу, я буду ходить. Только выпустите меня.

Услышанное должно было окончательно его удовлетворить. Вместо этого на несколько секунд вернулось старое раздражение, не имевшее отношения к Клэр. Когда-то ему отчаянно хотелось добиться таких слов от другого человека; теперь их произносила женщина, чья дальнейшая жизнь совсем его не интересовала.

Он провёл ладонью по обложке.

— Я никому не расскажу, — поспешила добавить Клэр. — Отвезите меня в город, высадите где-нибудь. Я даже не знаю, как вас зовут.

— В полицию тоже не пойдёшь?

— Нет. Обещаю.

При первой возможности она, конечно, пошла бы в полицию и рассказала всё, что запомнила. Кайд на её месте поступил бы точно так же. Но отпускать женщину он не собирался, поэтому и уличать её во лжи не имело смысла.

Не дождавшись ответа, Клэр заговорила о сестре. Они давно толком не виделись, последняя встреча закончилась ссорой из-за какой-то семейной обязанности, которую каждая пыталась переложить на другую. Она обещала позвонить, извиниться, наконец принять помощь, от которой прежде отказывалась. Сбивалась, возвращалась к уже сказанному. Кайд слушал и позволял ей говорить. Чем дольше он молчал, тем старательнее Клэр объясняла, что всё ещё можно исправить; похоже, его внимание она принимала за возможность договориться. Ему нравилось поддерживать в ней эту надежду.

Когда она умолкла, в подвале снова стала слышна вентиляция. Клэр сидела, прикрыв глаза, и пыталась отдышаться.

— Очень больно? — спросил Кайд.

— Да. Особенно когда вдыхаю.

— Самое неприятное, — сказал он, — что тебе всё равно придётся дышать.

Клэр открыла глаза. Несколько секунд смотрела на него, затем губы задрожали и по щеке потекла слеза. На этот раз она не стала ничего обещать.

— Вы раньше убивали? — спросила Клэр.

Кайд поправил выступавшую из книги закладку.

— Да.

Она медленно кивнула, словно он подтвердил давно мучившую её догадку. Посмотрела на воду, на дверь, затем снова на него.

— И меня убьёте?

— Да.

Клэр дёрнулась всем телом, упёрлась ногами в пол. Деревянное кресло скрипнуло, едва сдвинувшись. Она попыталась высвободить руки, но боль в боку заставила её остановиться.

Кайд положил книгу на столик и встал.

— Нет, подождите. — Голос Клэр сорвался. — Я же вам ничего не сделала. У меня есть семья, я… Я не хочу умирать. Не собираюсь сдаваться, слышите? Вы не можете просто решить…

Он задержался возле небольшого шкафа. Последние слова задели что-то знакомое, однако слушать дальше ему уже не хотелось. Кайд открыл ящик и достал нож.

Клэр увидела лезвие и замолчала. Пока он возвращался к ней, она сидела неподвижно, следя за его рукой, а затем снова начала просить — тише, сбивчивее, с такой поспешностью, словно теперь времени могло не хватить даже на нужную фразу.

Кайд остановился рядом и свободной рукой коснулся её шеи. Под пальцами часто бился пульс. Клэр отпрянула, насколько позволяла спинка, и оборвала очередное обещание. Ему нравилась эта невольная реакция. Он чувствовал, как отчаянно её тело продолжает жить, пока она смотрит на нож и пытается понять, что ещё способна предложить.

Он задержал пальцы у её горла. Несколько секунд Клэр не говорила совсем, и это молчание доставило ему не меньше удовольствия, чем прежние просьбы. По её взгляду Кайд решил, что она наконец поняла: никакой ответ не заставит его открыть дверь. Это могло произойти только по его желанию.

Когда Кайд убрал руку, она торопливо вдохнула.

— Вы можете меня отпустить. — Клэр подняла на него глаза. — Просто откройте дверь.

— Могу, — согласился он.

Он не стал ждать следующей просьбы и ударил ножом в грудь. Клэр вскрикнула и попыталась отпрянуть, но ремни удержали её. На блузке проступило тёмное пятно. Она несколько раз дёрнулась, беззвучно раскрывая рот, затем обессиленно осела на спинку.

Кайд остался рядом. Он смотрел на женщину и чувствовал удовлетворение, ради которого всё это и затевал. Никакого разочарования в том, что она не сумела чему-то научиться, не было. Клэр уже сказала, что хочет жить, а он услышал её и всё равно сделал то, что собирался.

Её дыхание становилось реже. Прошло ещё несколько минут, прежде чем оно прекратилось совсем. Кайд снова коснулся шеи, проверил пульс и убрал руку.

Клэр была мертва. До последнего её взгляд оставался обращённым к двери.

ГЛАВА 1.
Пятьдесят страниц к пятнице

Люди далеко не
всегда способны объяснить собственные поступки.

— Лив, мне нужна рукопись, а не очередной увлекательный рассказ о том, почему её до сих пор нет.

Николас Рид отодвинул чашку с остывшим кофе. До этой минуты он позволял ей говорить почти без помех, и Лив успела рассказать о книжной ярмарке, поспорить насчёт нового оформления своего предыдущего романа и пересказать свежую историю из жизни известного литературного критика. На последнем Николас даже рассмеялся. Теперь улыбка исчезла, а чашка заняла место у самого края стола, освобождая пространство для лежавших перед ним бумаг.

Лив хорошо знала этот жест. За семь лет совместной работы редактор ни разу не выставил её из кабинета за пустую болтовню, но всякий раз наступал момент, когда он переставал в ней участвовать.

— А мне казалось, история про критика тебе понравилась.

— История отличная. Особенно та часть, где его жена узнала о любовнице из рецензии на собственную книгу. Но сейчас я хочу услышать другую историю. Ту, за которую издательство уже заплатило тебе аванс.

Она опустила глаза на кофе. Пить больше не хотелось, однако ещё несколько секунд можно было держать чашку обеими руками и делать вид, что серьёзный разговор застал её врасплох.

На самом деле Лив готовилась к нему с утра. Даже решила, что сразу признается, насколько плохо идут дела. Это казалось вполне разумным, пока она не села напротив Николаса и не увидела на полке за его спиной свои четыре романа. Они стояли рядом, ровно, корешок к корешку, и выглядели веским доказательством того, что написать пятую книгу тоже должно быть возможно.

— Я работаю, Ник, — сказала она.

— Я знаю, что ты работаешь. Но последняя книга вышла почти два года назад. Полгода ты обещаешь рукопись, а у меня по-прежнему три варианта первой главы, два синопсиса и письмо на четыре страницы о том, почему всё это никуда не годится.

— Четыре варианта первой главы, — поправила Лив. — Последний я отправила отдельно.

Николас посмотрел на неё поверх бумаг.

— Спасибо. Это многое меняет.

Она поставила чашку. Письмо было ошибкой. В три часа ночи, после удаления очередных двадцати страниц, ей казалось необходимым подробно объяснить редактору, почему продолжать в прежнем виде нельзя. Утром выяснилось, что объяснение занимало четыре страницы, а самой книги снова стало меньше.

Хуже всего было то, что она помнила удовольствие, с которым писала это письмо. Мысль развивалась свободно, формулировки находились сразу; даже раздражение удалось передать точно. Стоило заняться романом — и та же самая женщина по полчаса смотрела на две строчки, не понимая, почему они звучат так, словно написаны кем-то чужим.

— У меня есть сюжет, — произнесла Лив. — Основные персонажи, несколько ключевых сцен. Я примерно представляю финал. История не разваливается, пока я рассказываю её вслух. Но стоит начать писать от лица главного героя, и получается какая-то херня.

— Что именно?

— Я ему не верю. Знаю, каких людей он выбирает, как готовится, что делает потом. Могу заставить его совершить убийство. Но, когда пытаюсь понять, что он при этом чувствует, все объяснения выглядят придуманными специально для читателя.

Николас отложил бумаги. Лив заметила это с облегчением: теперь он слушал её, а не ждал, когда закончится очередная попытка оттянуть срок.

— В последнем синопсисе у него была вполне определённая причина, — напомнил он.

— Была. И ещё две я придумала позже. Одна хуже другой. Я могу написать, что ему нравится убивать. Хорошо. Но что именно ему нравится? Почему он возвращается к этому снова? Что происходит у него в голове, когда человек начинает умолять сохранить ему жизнь? Как только я пытаюсь ответить, у него немедленно обнаруживается ужасное прошлое, которое должно всё объяснить. Ещё немного — и читатель будет обязан жалеть его больше, чем женщину, которую он убивает.

Она замолчала, ожидая возражения. Николас слегка повернул лежавший перед ним лист.

— Ты пробовала оставить сцену без этого объяснения?

— Тогда мне кажется, что он просто картонный маньяк, который делает страшные вещи, потому что автору понадобился страшный мужчина.

Лив откинулась на спинку кресла. С героиней всё было проще. Она знала, из-за какой мелочи та способна поссориться, чего стыдится, как оправдывает поступки, о которых позднее пожалеет. Даже второстепенные персонажи постепенно начинали удивлять: отвечали резче, чем ожидалось, уходили от неудобных вопросов, обижались не на то, что Лив собиралась сделать причиной обиды.

Убийца оставался послушным. В этом и заключалась проблема. Он совершал всё, чего требовал сюжет, а потом ждал, пока она подберёт ему подходящее внутреннее состояние. Любое выглядело чужим. Лив будто одевала незнакомого человека в вещи, которые хорошо смотрелись на вешалке, но на нём неизменно оказывались не по размеру.

Ей удавалось объяснить жестокость ревностью, потерей, унижением. Но всякий раз, когда герой оставался наедине со своей жертвой, этих объяснений переставало хватать. Что-то должно было происходить именно сейчас, в эту минуту, когда перед ним находился другой человек. Лив чувствовала, что упускает самое важное, и раздражалась ещё сильнее оттого, что могла так подробно описать собственную неудачу.

— Ты хочешь написать роман или защитить диссертацию по криминальной психологии? — спросил Николас.

— Я хочу написать хорошую книгу. Ты сам учил меня замечать, когда персонаж существует только ради сюжета. Теперь я заметила, и тебе почему-то не нравится результат.

Он потёр переносицу.

— Мне не нравится, что я не могу увидеть этот результат. Ты уже написала четыре хорошие книги, Лив. Ни одна из них не появилась сразу в том виде, в каком стоит у меня на полке.

— И я не собираюсь портить статистику пятой.

— Тогда дай мне сделать мою работу. Тебя читают, тебя ждут. Отдел маркетинга третий месяц спрашивает хотя бы примерную дату, а я отвечаю, что рукопись в работе. Это правда. Но мне всё труднее объяснять, почему я ни разу не видел её дальше начала.

В голосе Николаса появилось раздражение, которое он уже не пытался смягчить. Лив почувствовала, как напряглись плечи. Ей хотелось снова сказать, что она пишет, что каждый день возвращается к файлу и проводит за ним гораздо больше времени, чем можно предположить по количеству оставшихся страниц. Только он этого и не отрицал. Оттого защищаться

становилось особенно неприятно: привычный ответ оказывался обращён к обвинению, которого никто не предъявлял.

— Мне не нужна идеальная книга прямо сейчас, — продолжил Николас. — Пришли то, что есть. Я прочитаю, мы обсудим слабые места. Возможно, придётся менять героя или сюжет, а возможно, ты месяцами исправляешь не ту проблему. Но я не могу редактировать твоё представление о плохой рукописи.

— А я не могу прислать текст, который сама считаю плохим.

— Можешь. Именно для этого существуют черновики.

Лив отвела взгляд к окну. По стеклу тянулись тонкие дождевые струи. В соседнем здании кто-то приклеил к окну лист бумаги с кривым улыбающимся лицом; она заметила его ещё в начале разговора и теперь с неожиданной неприязнью посмотрела снова.

Николас предлагал совершенно разумную вещь. Когда-то она сама отправляла ему главы с пометками на полях: здесь не получается, здесь нужно придумать лучше, здесь помоги. Потом появились книги, которые читатели называли любимыми, приглашения на встречи, вопросы о том, как ей удаётся так точно чувствовать людей. Лив искренне радовалась этому и незаметно привыкла, что от неё ждут уже узнаваемого качества. Показать редактору беспомощный текст стало труднее, чем когда у неё не было ни одной опубликованной книги.

Она понимала, насколько это глупо. Понимание, к сожалению, не помогало нажать кнопку отправки.

— Ты же начнёшь его разбирать, — сказала Лив, возвращаясь взглядом к Николасу.

— Представляешь? Я занимаюсь этим за деньги.

Она рассмеялась. Напряжение немного ослабло, и редактор тоже позволил себе улыбнуться.

Лив любила работать с ним, хотя иногда ей хотелось, чтобы он хотя бы из вежливости оказался неправ. Семь лет назад Николас получил её дебютную рукопись и за первую неделю оставил столько замечаний, что двадцатилетняя Лив всерьёз задумалась о смене профессии. До этого она была уверена, что книга почти готова. Затем несколько дней сердито перечитывала комментарии, спорила с каждым по очереди и постепенно обнаружила, что больше всего её задевают самые точные.

Через полгода роман вышел. За ним появились второй, третий, четвёртый. Лив переехала в Нью-Йорк, сняла квартиру в Бруклине и однажды обнаружила, что читательница в очереди за автографом помнит реплику её героини лучше, чем она сама. Это было удивительное чувство: люди, которых Лив придумала за письменным столом, продолжали существовать в чужой памяти.

В двадцать семь лет она любила свою работу почти за всё. За возможность внезапно проснуться с готовым разговором в голове, за поездки, за знакомства, за встречи с читателями, которые некоторые коллеги считали утомительной обязанностью. Даже после долгой автограф-сессии ей обычно хотелось поговорить ещё с кем-нибудь из тех, кто не успел задать вопрос. Трудно было устать от доказательств того, что написанное оказалось кому-то нужно.

Сейчас эта часть жизни продолжалась без помех. Лив ездила на мероприятия, отвечала на письма, встречалась с друзьями и строила планы. Только за столом, перед открытым файлом, снова и снова сталкивалась с собственной беспомощностью. Отказываться от всего остального из-за этого ей не хотелось. Иногда она даже слишком охотно соглашалась куда-нибудь пойти, лишь бы вечером иметь убедительную причину не считать написанные слова.

Николас взял планшет и развернул к ней экран.

— Фестиваль, встреча с блогерами, две презентации переизданий. Я не предлагаю ничего отменять, но везде будут спрашивать о новой книге. Мне нужно понимать, что мы отвечаем.

Собственная фотография в верхней части расписания немедленно отвлекла Лив. На прошлогодней съёмке ей выпрямили волосы, а потом при обработке сделали серо-зелёные

глаза почти голубыми и убрали веснушки. Получилась вполне симпатичная женщина, которую рекламный отдел почему-то предпочитал настоящей Лив.

— Они опять взяли этот снимок. Я же просила заменить.

— Что с ним не так?

— Ник, где мои веснушки? И почему у меня чужие глаза? Элла присылала им нормальные фотографии, на которых меня хотя бы можно узнать.

Николас опустил планшет на стол.

— Я напишу, чтобы заменили. А теперь вернись, пожалуйста, к рукописи.

Лив усмехнулась. На этот раз она действительно возмутилась фотографией, хотя после двадцати минут старательного ухода от темы едва ли стоило рассчитывать, что Николас ей поверит.

Он придвинул к себе календарь.

— Когда я получу начало?

— На следующей неделе.

— Мне нужен день. И такой объём, чтобы разговор наконец касался текста.

Она посмотрела на него, прикидывая, сколько из написанного ещё можно спасти. Пятьдесят страниц существовали в разных версиях, иногда противоречивших друг другу. Чтобы собрать их, придётся выбрать один вариант и какое-то время не пытаться уничтожить его за несовершенство.

— В следующую пятницу, — сказала Лив. — Пятьдесят страниц. Но без гарантии, что тебе понравится главный герой.

— Наконец-то условия, с которыми можно работать.

Николас сделал пометку. Лив с некоторым недовольством проследила за движением ручки: до этой секунды обещание ещё принадлежало только разговору. Теперь у него появилось место в чужом календаре.

— И ещё кое-что, — сказал редактор. — Перестань пытаться сделать своего убийцу понятным абсолютно во всём. Люди далеко не всегда способны объяснить собственные поступки. Иногда они сами понятия не имеют, почему делают ту или иную глупость.

— Ты предлагаешь мне написать убийцу, который не понимает, зачем убивает?

— Я предлагаю допустить, что он может быть сложнее твоих представлений о нём. Причина, которую он назовёт, не обязательно объяснит всё, что он делает. Тебе ведь не требуется после каждой реплики героини объяснять, откуда у неё взялось именно такое чувство. Ты позволяешь ей жить. Попробуй дать ему хотя бы закончить сцену.

Лив задумалась. Это ещё не было решением. Она хорошо умела узнавать советы, которые красиво звучат и совершенно не помогают, когда остаёшься с текстом одна. Но сейчас в словах Николаса было что-то, к чему хотелось вернуться позднее.

Она поднялась, забрала сумку и поправила ремешок на плече.

— Пятьдесят страниц. Следующая пятница. Если за это время я окончательно возненавижу своего героя, ты будешь первым, кто об этом узнает.

— Снова на четырёх страницах?

— Минимум.

Николас улыбнулся, но, когда Лив дошла до двери, окликнул её уже серьёзно:

— Лив. Если он опять начнёт тебе не нравиться, ничего не удаляй. Пришли как есть.

Она кивнула. Обещание было дано, и теперь предстояло заставить человека, которого никогда не существовало, убедительно заговорить на страницах романа.

* * *

Выйдя из кабинета, Лив обнаружила на телефоне четыре сообщения от Эллы. На последней фотографии подруга стояла посреди галереи с рулоном скотча в одной руке и бокалом

шампанского в другой. Лив увеличила снимок и улыбнулась: по выражению лица Эллы можно было предположить, что скотч в этот вечер нужен ей гораздо чаще шампанского.

«Если ты не приедешь, я проведу весь вечер в обществе людей, которые будут спрашивать, на какой объектив я снимаю», — написала подруга.

Лив набрала ответ: «Скажи, что на телефон. Возможно, они уйдут».

Элла немедленно спросила, где она. Лив сообщила, что уже выходит: Николас только что пообещал уничтожить её карьеру, если к следующей пятнице не получит пятьдесят страниц.

«Отлично. Значит, тебе совершенно необходимо выпить», — решила Элла.

Лив убрала телефон. Вообще-то Николас ничего подобного не обещал, но подруге полагалась версия разговора, в которой писательница мужественно выдержала тяжёлое испытание и теперь заслуживала вечер в приятной компании.

Когда она добралась до Челси, дождь закончился. На мокром асфальте отражались окна, у небольшого кафе двое мужчин спорили из-за последнего свободного места для парковки. Лив обошла их, чувствуя, как после душной поездки прохладный воздух касается лица. От влажности светлые пряди завивались сильнее обычного. Она убрала волосы за ухо и больше не пыталась с ними бороться.

Галерея занимала первый этаж старого кирпичного здания. Сквозь высокие окна были видны гости, белые стены и фотографии, возле которых собирались небольшими группами. Девушка у входа нашла имя Лив в списке, и почти сразу из зала появилась Элла.

— Слава богу! Я уже решила, что ты умерла в издательстве.

— Пока нет. Но, кажется, Николас начал терять надежду получить от меня хоть что-нибудь при жизни.

Элла рассмеялась и обняла её, предусмотрительно отведя в сторону руку с бокалом. Лив на секунду задержала подругу возле себя. Та выглядела довольной и измученной одновременно: улыбалась, но продолжала следить за происходящим у неё за плечом.

— Ты как? — спросила Лив.

— Я пока не понимаю. Столько времени готовилась, а теперь даже остановиться некогда. Спроси, когда всё закончится. Снимай пальто. Я хочу, чтобы ты наконец посмотрела.

Она помогла Лив снять пальто и передала его сотруднице гардероба.

— А что у тебя с книгой? Мне начало ты тоже обещала.

— Я всем что-нибудь обещаю. Возможно, в этом и заключается моя настоящая профессия.

— Твоя настоящая профессия требует иногда показывать людям то, что ты написала. Ты ненавидишь собственные черновики сильнее, чем они заслуживают.

Лив покосилась на неё.

— Вы с Николасом созванивались?

— Мне для этого не нужен Николас. Я тебя знаю.

Возразить было нечего. Лив взяла с подноса бокал и повернулась к фотографиям.

Она видела некоторые из них на экране, пока Элла готовила выставку, но в зале работы производили совсем другое впечатление. В большом портрете становился заметен поворот запястья, который прежде терялся; на другом снимке взгляд задерживался на человеке у самого края, хотя сначала Лив заметила только того, кто стоял в центре. Фотографии соседствовали, меняя впечатление друг от друга, и Лив поймала себя на знакомом профессиональном удовольствии: ей хотелось понять, почему Элла расположила их именно так.

Подруга работала над серией два года. Снимала соседей, знакомых, людей на улицах, детей в парках; иногда просила позировать, но гораздо чаще ждала, пока человек перестанет следить за камерой. Лив нравилось, что на этих снимках было чем заняться помимо разглядывания лиц. Можно было заметить, как женщина придерживает чужую сумку, как подросток прячет улыбку, отвернувшись от родителей, как собака не спускает глаз с руки хозяина.

На одной из фотографий старик спал в кресле возле открытого окна. У его ног растянулся огромный пёс, на подоконнике стояла чашка кофе. Лив пригляделась к лицу и узнала одного из соседей Эллы.

— Мистер Уолш?

Элла кивнула и встала рядом.

— Два часа рассказывал, что совершенно не умеет позировать. Потом уснул. Я сначала хотела его разбудить, а потом решила, что лучше уже не будет.

— Потрясающая модель. Никто не просит убрать морщины и сделать глаза другого цвета.

— Ты опять видела свою рекламную фотографию?

Лив посмотрела на подругу и рассмеялась.

— Сегодня она окончательно меня добила.

— Я ещё раз пришлю им снимки, — пообещала Элла. — Может быть, на третий раз они обнаружат, что ты существуешь и без ретуши.

Эллу окликнули с другого конца зала. Она подняла руку, показывая, что услышала, и обернулась к Лив:

— Пожалуйста, никуда не исчезай. Я хочу познакомить тебя с парой человек, как только освобожусь.

— Я и не собиралась.

— На прошлой выставке ты тоже не собиралась, а потом сбежала в ресторан.

— Потому что вы обсуждали стоимость рамок полтора часа.

— Сорок минут максимум, — возразила Элла и уже на ходу добавила: — А здесь я действительно рассчитываю тебя потом найти.

Лив подняла бокал в знак обещания. Ей было хорошо от того, что можно стоять посреди зала, слушать знакомый голос, рассматривать чужую работу и не ждать немедленного ответа на вопрос, что происходит с её собственной. Лив хотелось остаться до конца, дождаться, когда уйдут гости и подруга наконец перестанет проверять, всё ли на месте. Тогда можно будет спокойно поговорить о выставке, к которой Элла готовилась так долго.

Она медленно пошла вдоль стены. На таких вечерах ей редко приходилось скучать. Всегда находился человек, с которым можно было интересно поговорить, а если разговор не складывался, оставались фотографии и возможность послушать других. Иногда случайное замечание запоминалось на месяцы и потом неожиданно возвращалось уже в чужой реплике на странице.

Сегодня Лив собиралась хотя бы пару часов ничего не искать для книги. Это было приятное намерение, хотя, остановившись возле следующего портрета, она уже начала придумывать, о чём могли говорить изображённые на нём люди.

В дальнем конце зала её внимание привлёк большой чёрно-белый снимок. Молодая женщина сидела за столиком уличного кафе и смеялась, отвернувшись от камеры. В одной руке она держала бумажный стаканчик, другой прикрывала лицо. Из небрежно собранных волос выбились пряди. По фотографии почти можно было угадать движение: ещё секунду назад женщина смотрела на Эллу, услышала что-то смешное и не успела спрятаться от объектива.

Лив подошла ближе. Ей нравился этот смех, совершенно не похожий на улыбку человека, который знает, что его снимают. Хотелось спросить у подруги, что она сказала своей модели.

Под фотографией была небольшая табличка:

«Джулия. Июль 2023 года. Снято за одиннадцать дней до смерти».

Лив перечитала подпись и подняла глаза на женщину. Теперь она пыталась разглядеть в её лице то, чего несколько секунд назад даже не искала, и сердилась на себя за это. На снимке всё ещё оставался тот же смех. Но смотреть только на него уже не получалось.

Глава 2. Одиннадцать дней

Страх отнимает
у людей гораздо больше, чем они привыкли думать.

— Если бы она знала, что ей осталось одиннадцать дней, вряд ли бы так смеялась.

Голос прозвучал справа, совсем рядом. Лив обернулась. Возле неё стоял высокий мужчина в чёрной рубашке и расстёгнутом тёмном пальто; он смотрел на фотографию, и несколько секунд она ещё сомневалась, предназначалось ли замечание ей. Тёмные волосы почти касались его плеч, у правого виска выделялась серебристая прядь. Лив задержала на ней взгляд, пытаясь определить возраст незнакомца, но тот повернулся, и рассматривать его исподтишка стало невозможно.

— Вы были с ней знакомы? — спросила она.

— Нет.

— Тогда почему решили, что она перестала бы смеяться?

У него оказались светлые серо-голубые глаза и красивое лицо с выразительными скулами. Чуть неровный нос мешал назвать черты безупречными, однако именно эта неправильность понравилась Лив. Впрочем, гораздо сильнее ей понравился рот, и она поспешила снова посмотреть мужчине в глаза.

— А вы считаете, что продолжала бы? — спросил он.

— Понятия не имею. В отличие от вас, не берусь утверждать, как повела бы себя незнакомая женщина перед смертью.

— Но предположение у вас наверняка есть.

Лив перевела взгляд на Джулию. Ей хотелось вернуть себе те несколько секунд, когда она ещё не прочла подпись и могла смотреть на снимок без этой невольной попытки найти в чужом лице предчувствие беды.

— Мне вообще кажется, что последние слова под фотографией лишние, — сказала она. — Элле, наверное, не понравится такое мнение. Но без них это прекрасный портрет счастливой женщины. А теперь я думаю о том, что её больше нет, хотя на снимке она жива и, судя по всему, замечательно проводит время.

— И всё-таки вы продолжаете смотреть.

— Разумеется. Мне сообщили о её смерти, и я уже не могу этого не знать. Но речь шла о другом: вы почему-то уверены, что знание испортило бы ей всё оставшееся время.

Он посмотрел на Лив внимательнее.

— Вы так говорите, словно я предлагаю вернуться в тот день и предупредить её.

— Надеюсь, вы хотя бы дали бы ей допить кофе.

Мужчина улыбнулся, и Лив с удовольствием отметила, как изменилось его лицо. До этой минуты он казался слишком серьёзным для разговора, который сам же и начал посреди шумной выставки.

— Мне интересно, насколько изменится человек, если узнает точную дату своей смерти, — объяснил он. — Даже когда речь идёт о годах, это трудно забыть. Здесь одиннадцать дней. Страх отнимает у людей гораздо больше, чем они привыкли думать.

Он произнёс это спокойно, без особенного нажима, и всё же Лив услышала в его словах уверенность, с которой ей захотелось поспорить.

— А желание жить куда денется? Я тоже думаю, что испугалась бы. Возможно, ужасно. Но вряд ли захотела бы провести всё оставшееся время дома, ожидая, когда оно закончится.

— Что бы вы сделали?

Теперь вопрос касался её самой, и ответ нашёлся не сразу. За чужую жизнь рассуждать было проще. Лив представила собственную квартиру, незаконченный файл на экране, вещи, которые ещё утром собиралась разобрать в выходные. Сколько всего можно спокойно откладывать, пока есть уверенность, что к этому успеешь вернуться.

— Наверное, сначала разрыдалась бы, — призналась она. — Потом позвонила бы близким. Ещё пришлось бы объясняться с редактором, который наверняка потребовал бы закончить рукопись до похорон.

Незнакомец рассмеялся. Смех у него оказался негромким и неожиданно тёплым; Лив улыбнулась в ответ, довольная тем, что сумела нарушить его невозмутимость.

— А если серьёзно, я бы постаралась прожить эти дни, — продолжила она. — Увидеться с людьми, которых люблю, съездить куда-нибудь. Не знаю. Наверняка многое пришлось бы решать совсем иначе. Но если кто-то смог бы меня рассмешить, я была бы ему благодарна. Даже если через минуту снова расплакалась бы.

Он перестал улыбаться и посмотрел на фотографию. Лив не поняла, что изменилось. Возможно, её ответ показался ему глупым; возможно, она невольно задела что-то личное. Спрашивать об этом у человека, с которым познакомилась несколько минут назад, было бы странно.

— Красиво звучит, — произнёс мужчина.

— Вы говорите так, будто это недостаток.

— Красивые рассуждения обычно заканчиваются, когда приходится проверять их на практике.

Лив почувствовала раздражение. Можно было не соглашаться с ней, но ей не нравилось, когда собеседник заранее отводил себе право знать жизнь, оставляя ей только право заблуждаться.

— Я ведь не обещала бесстрашно встретить смерть. Я сказала, что попыталась бы жить, пока ещё могу. И надеюсь, нам обоим не придётся в ближайшее время выяснять, чего стоят наши предположения.

— Я тоже надеюсь, — ответил он.

Несколько мгновений они молчали. За спиной Лив звякнули бокалы, кто-то позвал фотографа, и она машинально поискала глазами Эллу. Та стояла у противоположной стены, слушая женщину с блокнотом. У соседнего снимка спорили об освещении. Разговор о собственной смерти оказался удивительно коротким отступлением в вечере, который для всех остальных продолжался как прежде.

— Вы врач? — спросила Лив, снова повернувшись к мужчине. — Или работаете в полиции?

— Ни то ни другое. Почему вы спрашиваете?

— Пытаюсь понять, откуда у вас настолько определённые представления о людях перед смертью. Обычно в таких разговорах довольно быстро начинают ссылаться на исследования, книги, чужие наблюдения. Вы обходитесь без этого.

— Вам нужна ссылка, чтобы со мной поспорить?

— Мне хватило бы вашего согласия с тем, что вы можете ошибаться.

В его глазах появилось веселье.

— В некоторых вопросах я его охотно дам.

Лив невольно усмехнулась. Её уже начинало занимать, сколько в этой уверенности было убеждённости, а сколько — желания подразнить. Она могла уйти к следующей фотографии или присоединиться к Элле; никакой необходимости продолжать беседу не было. Однако незнакомец смотрел на неё с таким вниманием, что уходить не хотелось. Лив привыкла нравиться мужчинам. Гораздо реже ей становилось любопытно, о чём с одним из них можно было бы проговорить весь вечер.

— Вы часто бываете на подобных выставках? — спросила она.

— Не особенно. Сегодня меня заинтересовала тема.

— Тогда вам повезло. Элла умеет замечать то, мимо чего остальные проходят каждый день. Она моя подруга, но я всё равно могу быть объективной. Иногда.

— А вы знаете, что произошло с Джулией?

— Нет. Элла рассказывала о некоторых людях, которых снимала, но не обо всех. Почему вы спрашиваете?

— Любопытно. Вам ведь тоже.

Лив посмотрела на него, собираясь возразить, и остановилась. Она действительно хотела знать. Не просто помнила о смерти женщины — уже успела перебрать несколько возможных причин. Это было неприятно признавать после собственных слов о том, как подпись мешает увидеть живую Джулию.

— Да, — сказала она. — Мне хочется узнать, что случилось. Но я не уверена, что после этого лучше пойму фотографию.

Мужчина не ответил сразу. Он рассматривал её с едва заметной улыбкой, и Лив отпила шампанского, чтобы не улыбнуться в ответ слишком охотно.

— Лив! — Элла подошла к ним с пустым бокалом. — Там Маргарет, помнишь, я рассказывала? Она хочет с тобой познакомиться. Только не пропадай надолго, пожалуйста, она ненадолго заехала.

— Помню. Сейчас подойду.

Элла приветливо улыбнулась незнакомцу.

— Простите, что прерываю.

— Ничего страшного, — ответил он.

— Мы в соседнем зале, — сказала Элла уже Лив и поспешила обратно, на ходу кивнув кому-то из гостей.

Лив проводила её взглядом. Ей следовало закончить разговор, однако мужчина произнёс:

— Лив Дрейтон.

Он не спрашивал. Просто назвал её имя, и она повернулась к нему с новым интересом.

— Вы меня знаете?

— Читал ваши книги.

— Все?

— Четыре.

Лив улыбнулась. Сколько бы людей ни говорило ей об этом, приятно было каждый раз. Встреча с читателем делала написанные книги ощутимее: они существовали в чьей-то жизни, кроме её собственной, даже сейчас, когда пятая никак не желала появляться.

— И как впечатления?

— Разные.

Она рассмеялась от неожиданности.

— Потрясающе. Обычно люди хотя бы пытаются начать с комплимента.

— А вы хотите комплимент или честное мнение?

— В идеале хотелось бы, чтобы они совпали. Но, судя по началу нашего знакомства, рассчитывать на это было бы слишком смело. Какая книга вам понравилась больше всего?

— Вторая. В ней вы меньше стараетесь объяснить читателю, что именно он должен думать о ваших героях. Даёте ему разобраться самому.

Лив поставила бокал на стоявший рядом высокий столик. Если незнакомец собирался повторить привычное рассуждение о том, что в книгах должно быть больше действия и меньше мыслей, её интерес рисковал быстро иссякнуть. Она слишком любила разбираться в людях, чтобы довольствоваться перечислением их поступков.

— А в остальных, по-вашему, объяснения мешают? — спросила она. — Или дело в том, как я это делаю?

— В третьем романе есть сцена, где убийца держит женщину взаперти и рассказывает ей о своём детстве. Почти четыре страницы. Она слушает, задаёт вопросы и постепенно перестаёт его бояться. Вы очень подробно объясняете, как ей становится его жаль. Только я так и не понял, почему после этого ей становится безопаснее.

Лив прекрасно помнила этот эпизод. Николас заставил её переписать его трижды, утверждая, что разговор разрушает напряжение. Она защищала сцену до последнего: без неё читатель не увидел бы в убийце ничего, кроме жестокости. Тогда это представлялось достаточным доводом.

— Ей не становится безопаснее, — возразила она. — Она пытается его понять. Пока он разговаривает, он хотя бы не причиняет ей боли. Кроме того, чем больше она о нём узнает, тем больше у неё возможностей как-то на него повлиять.

— Но она не пользуется этими возможностями. Даже не спрашивает, собирается ли он её отпустить. Сидит в запертой комнате и помогает ему рассказать собственную биографию.

— Люди в опасности ведут себя по-разному. Не каждый будет кричать и бросаться к двери. Кто-то пытается договориться, кто-то вообще цепляется за возможность говорить о чём угодно, лишь бы не думать о том, что с ним могут сделать.

— Я не предлагаю заставить её кричать. Мне интересно, почему она спрашивает ровно то, что нужно вам для объяснения сюжета, и почти ничего из того, что могло бы пригодиться ей самой.

Лив не ответила сразу. Замечание было неприятно точным. Она вспомнила, как писала этот разговор: знала, что убийца должен сообщить о себе, и подбирала вопросы, которые позволили бы ему рассказать всё достаточно естественно. У героини хорошо получалось слушать. Значительно хуже — помнить, где и с кем она находится.

— Допустим, я слишком увлеклась его историей, — сказала Лив. — Но сочувствие тоже может изменить отношение к человеку. Вы исключаете это совершенно напрасно.

— Не исключаю. Она может жалеть его сколько угодно. Он от этого перестанет хотеть её смерти?

— Она надеется, что он способен передумать.

— На основании чего? Всё, что он рассказал о своём прошлом, было правдой и в ту минуту, когда он её запирал.

Мимо прошёл официант с подносом, и Лив отступила ближе к столику, освобождая ему дорогу. Она вдруг очень ясно вспомнила конец той сцены: героиня смотрела на убийцу и впервые видела в нём человека. Лив нравилась эта фраза. Но теперь ей пришлось признать, что читателю предлагалось вместе с пленницей почувствовать облегчение, для которого в комнате ничего не изменилось.

— А вы уверены, что человек, который боится смерти, не способен интересоваться своим убийцей? — спросила она.

— Способен. Но у вас интерес вытесняет всё остальное. Она ведёт себя так, будто заранее знает, что автор не позволит ей умереть посреди разговора.

Лив почувствовала, как вспыхнули щёки. Собеседник не повышал голоса и не пытался привлечь чьё-либо внимание к их спору. Это немного облегчало положение: можно было не защищать книгу немедленно, ради собственного достоинства. Хотя желание такое возникало после каждой его реплики.

— Хорошо, — произнесла она. — Теперь мне действительно хочется перечитать этот эпизод. Но я всё ещё не понимаю, почему сам разговор кажется вам лишним. Возможно, убийце нужно, чтобы хоть кто-нибудь его понял.

— Тогда ему нужен собеседник. Не жертва.

— А если ему нужно и то и другое? Человек, который будет слушать именно потому, что не может уйти?

Незнакомец задержал на ней взгляд.

— Тогда зачем вы заставляете его оправдываться? Вы написали человека, которому нравится убивать. Он запер женщину, она вынуждена его слушать. Что он хочет получить от её сочувствия, если уже может делать с ней всё, что пожелает?

Лив задумалась. Ей хотелось ответить за героя, придумать объяснение, которое убедило бы этого раздражающего мужчину. Но она слишком хорошо узнавала собственное стремление немедленно найти для жестокости причину, с которой будет легче смириться. Сегодня они уже говорили об этом с Николасом. Только незнакомец не мог знать ни о разговоре, ни о том, как близко подошёл к её нынешним затруднениям.

— Вы говорите так, будто прекрасно представляете себя на его месте, — заметила она.

— Вы же предлагаете читателям именно это. Понять, почему он поступает так, а не иначе. Разве не в этом заключается ваша работа?

Он не понизил голос и не придвинулся к ней с той преувеличенной серьёзностью, с которой иногда обсуждали её романы на встречах. Просто задал вопрос. Лив больше всего сердило, что ответить хотелось всерьёз.

— Знаете, вы только что испортили мне вечер, — сказала она. — Я пришла сюда отдыхать. Теперь буду думать о сцене, которую считала законченной несколько лет назад.

— Могу предложить не слушать незнакомцев, критикующих ваши книги.

— Поздно. Вы уже успели высказаться.

Он улыбнулся. Лив смотрела на него и с досадой понимала, что ей понравился этот разговор. Возражения не перестали казаться обидными, да и соглашаться со всем она не собиралась. Однако ей захотелось открыть книгу, найти страницу и проверить собственное впечатление. Возможно, там оставалось что-то, чего он не заметил. А возможно, придётся увидеть то, что она прежде предпочитала не замечать сама.

Это желание было знакомым и давно забытым: вернуться к тексту, потому что в нём обнаружился интересный вопрос. Она не испытывала его утром, сидя перед пустым файлом. Сейчас вопрос касался старого романа, но от этого не становился менее соблазнительным.

Лив взяла бокал со столика. Незнакомец по-прежнему смотрел на неё, и, встретившись с ним глазами, она вдруг перестала подбирать следующие возражения. У него были длинные тёмные ресницы, совсем незаметные, пока она сердилась. Теперь эта подробность показалась важнее всех остальных.

— Итак, — сказала Лив, нарушая затянувшуюся паузу, — вы знаете, кто я и чем занимаюсь. А мне о вас известно только то, что вы не врач и не полицейский. Какая профессия позволяет уделять столько внимания чужим романам?

— Цифровая безопасность. Частные проекты. С книгами это никак не связано.

— То есть за критику вам обычно не платят?

— Вы собирались предложить?

Лив усмехнулась, но отвечать не стала. Её занимала другая мысль.

— Вы ведь узнали меня ещё до того, как Элла назвала моё имя?

— Да.

— И решили подойти именно поэтому?

Он взглянул на портрет Джулии.

— Хотелось услышать, что вы скажете.

Получалось, он с самого начала знал, с кем разговаривает, пока она принимала его за случайного посетителя, которому захотелось высказаться о фотографии. Лив привыкла к тому, что её узнают. Обычно об этом сообщали сразу, ссылаясь на книгу, интервью или общих знакомых. Этот человек позволил ей самой проговориться о редакторе, расспрашивал о страхе и ни разу не дал понять, что уже составил мнение о её работе.

— А начать с обычного «здравствуйте» вам не пришло в голову? — спросила она.

— Пришло. Но вы стояли возле этой фотографии. Я выбрал тему, которая уже вас интересовала.

— Какая предусмотрительность.

Лив покачала головой, всё же не удержавшись от улыбки. Теперь ей хотелось знать, соответствовал ли хоть один из ответов тому, что он ожидал услышать. Спрашивать она не собиралась: ещё не хватало превращать знакомство в обсуждение того, насколько удачно она прошла устроенное ей собеседование.

К фотографии подошла пара гостей. Лив отступила к стене, пропуская их, мужчина переместился вместе с ней и оказался ближе. Она почувствовала запах его парфюма — древесный, с прохладной горечью. В таком положении разница в росте стала заметнее; чтобы встретиться с ним глазами, пришлось поднять голову.

Его взгляд задержался у основания её шеи, возле тонкой цепочки, чуть съехавшей к краю выреза платья. Лив поправила украшение и сразу пожалела о невольном жесте: получилось, что она заметила, куда он смотрит, и не сумела это скрыть. Отойти можно было без всяких объяснений, места у стены хватало. Она осталась там, где стояла.

— Вы, кстати, так и не представились, — сказала Лив.

— Кайд.

Она мысленно повторила имя. Необычное, короткое; ему подходило.

— А фамилия? Или её тоже придётся заслужить правильным ответом?

— Давайте пока остановимся на имени. Вы ещё не решили, нравится ли вам со мной разговаривать.

— Это каким-то образом зависит от фамилии?

— Надеюсь, нет.

Он откровенно забавлялся. Лив могла настоять, но не захотела превращать простой вопрос в маленькое состязание, которое ему явно доставило бы удовольствие. К тому же назвать его Кайдом хотелось гораздо сильнее, чем обращаться по фамилии.

— Не знаю, зачем вы спрашивали моё мнение, если всё равно намеревались со мной спорить, — заметила она. — Теперь мне потребуется время, чтобы сформулировать ответ на ваши претензии к третьей книге.

— В субботу свободны?

Лив подняла на него глаза. Предложение прозвучало так прямо, что приготовленное продолжение вылетело из головы.

— Вы приглашаете меня на свидание?

— На ужин. Если захотите считать его свиданием, возражать не стану.

— А если я откажусь?

— Тогда поужинаю один.

Она рассмеялась.

— Вы хотя бы попытайтесь меня уговорить. Обычно так поступают мужчины, которые хотят понравиться женщине.

Кайд посмотрел на неё без улыбки.

— Я хочу с вами встретиться, Лив. Поэтому и приглашаю. А уговаривать вас делать то, чего вы не хотите, не собираюсь.

Ей понравилось услышать это больше, чем она ожидала. За время разговора он успел заставить её оправдывать книжную героиню, защищать право незнакомой женщины смеяться перед смертью и усомниться в сцене, которой она когда-то гордилась. Теперь впервые сказал прямо, что ему нужно от неё самой, и Лив обнаружила, что ответ тоже готова дать без дальнейших уловок.

— В субботу могу, — сказала она. — Во сколько?

— В семь.

— Хорошо. Но если вы собираетесь весь ужин разбирать мои книги, я потребую компенсацию.

— Какую?

— Придумаю по обстоятельствам.

Кайд рассмеялся, и Лив снова испытала удовольствие от того, что вызвала у него эту реакцию. Хотелось, чтобы в субботу он смеялся так же. И чтобы смотрел на неё так же внимательно, даже если они больше не скажут ни слова о литературе.

Она поставила бокал на столик и достала из сумочки телефон.

— Давайте ваш номер. Место выберем позже.

Лив открыла контакты и протянула ему устройство. Кайд набрал номер, сохранил его и вернул телефон. На экране стояло только имя. Конечно. Было бы странно ожидать, что он охотно допишет то, о чём несколько минут назад предпочёл отшутиться.

— Теперь я могу записать вам любую фамилию на свой вкус, — предупредила она.

— Постарайтесь не жалеть об этом к субботе.

Лив улыбнулась и убрала телефон. Впервые за весь вечер предстоящие дни вызывали у неё мысли о чём-то, кроме пятидесяти страниц, которые предстояло отправить Николасу к следующей пятнице.

— Лив, прости, но Маргарет уже собирается уходить! — позвала Элла.

Подруга стояла у входа в соседний зал и смотрела на неё с выразительным терпением. Лив виновато подняла ладонь: услышала, идёт.

— Кажется, мне действительно пора, — сказала она Кайду.

— Тогда не буду задерживать.

Они помолчали ещё несколько секунд. Лив понимала, что Элла ждёт, и всё равно медлила. В разговоре осталось столько всего недосказанного, что закончить его простой вежливой фразой казалось почти обидным.

— До субботы, Кайд.

— До субботы, Лив.

Отойдя на несколько шагов, она обернулась. Он всё ещё стоял у стены, но смотрел уже не на фотографию. Лив улыбнулась ему, не пытаясь скрыть интерес, и увидела ответную улыбку.

— Кто это? — спросила Элла, как только они оказались достаточно далеко.

— Кайд. Читал мои книги и умудрился раскритиковать третью.

Подруга взяла её под руку и повела в соседний зал.

— Он подошёл к тебе, раскритиковал роман, а ты всё равно с ним флиртовала? Надеюсь, хоть не сошлась с ним во мнении.

— Кое в чём. Он интересно рассуждает о людях. О смерти, о страхе…

— Лив, пожалуйста, скажи, что он хотя бы красивый.

Она рассмеялась.

— Очень.

— Ну слава богу. А то я уже начала переживать.

Маргарет ждала возле одной из фотографий, с пальто на сгибе локтя. Элла подняла руку, давая понять, что они идут, и негромко спросила:

— А фамилия у него есть?

— Наверняка. Только мне он её пока не сказал.

Элла повернула к ней голову, и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.